

⁶ См.: **Тюнеев В. А.** Важные задачи архивистов РСФСР // Советские архивы. 1970. № 1. С. 52.

⁷ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 519а. Л. 28.

⁸ Там же. Д. 539а. Л. 22.

⁹ Алексей Герасимович Хрусталеv — руководитель архивной службы Горьковской (позднее Нижегородской) области с 1974 по 1995 г.

¹⁰ Г. А. Шестакова по настоящее время является секретарем ЗНМС ПФО.

¹¹ Исключением стал 1977 г., в котором из-за объемной работы на местах по переводу сотрудников на новую оплату труда, с разрешения Главархива РСФСР заседание не проводилось. Его перенесли на 1978 г. (ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 641. Л. 80).

¹² С такой же периодичностью проводились заседания зональных научно-методических советов архивных учреждений Урала и Поволжья. См.: **Бурангулов Б. В.** Сформирование и деятельность зональных научно-методических советов архивных учреждений Урала и Поволжья в 1970-е гг. // Международная научно-практическая конференция «Архивы без границ»: сб. докл. URL: http://www.archive.perm.ru/upload/news/Collection_of_reports.pdf; **Пантюхина Р. Ф.** Научно-методический совет архивных учреждений Приволжского федерального округа как инструмент развития архивного дела в регионе // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 45 — 49.

¹³ ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 604а. Л. 19.

¹⁴ Там же. Д. 641. Л. 9, 14.

¹⁵ Там же. Д. 567а. Л. 198.

Поступила 20.01.2022 г.

УДК 94(47)

О. А. Сухова

О. А. Sukhova

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА (на примере Пензенского края)*

REGIONAL IDENTITY AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS (on the example of the Penza region)

Ключевые слова: Пензенский край, региональная идентичность, методология изучения, новая локальная история, история повседневности, ментальность, культурная (социальная) память.

На основе анализа современной российской и зарубежной историографии в статье рассматривается методология изучения факторов, закономерностей развития, содержания процесса этнополитической интеграции и формирования региональной идентичности. В числе основных направлений исследований — новая локальная история, история повседневности, история памяти. В центре внимания автора — изучение и сравнительный анализ процессов формирования этнической, политической и региональной идентичностей на различных этапах истории Пен-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>

зенского края (посредством информационного взаимодействия власти и общества; репрезентации принадлежности к локальному сообществу). Содержание предметного поля представлено первичными универсальными символическими сюжетами и ценностными ориентациями политической картины мира локального сообщества, механизмами и формами организации социальной памяти и трансформации идентичности, в том числе политики идентичности. Определено, что ключевым фактором развития региональной идентичности являются сохранение исторической преемственности, поддержание практик репрезентации историко-культурной среды в массовом сознании.

Key words: the Penza region, regional identity, research methodology, new local history, history of everyday life, mentality, cultural (social) memory.

Based on the analysis of modern Russian and foreign historiography, the methodology of studying factors, patterns of development, the content of the process of ethnic and political integration and the formation of regional identity are considered in the article. New local history, the history of everyday life, the history of memory are among the main areas of research. The author focuses on the study and comparative analysis of the processes of formation of ethnic, political and regional identities at various stages of history of the Penza region (through the information interaction of government and society; representation of belonging to a local community). The content of the subject field is represented by primary universal symbolic plots and value orientations of the political picture of the world of the local community, by mechanisms and forms of organization of social memory and identity transformation, including identity politics. It is determined that the key factor in the development of regional identity is the preservation of historical continuity, the maintenance of practices of representation of the historical and cultural environment in the mass consciousness.

Региональная (территориальная) идентичность как объект научного анализа долгое время рассматривалась исключительной прерогативой географии. В настоящее время в условиях закрепления тенденции к глокализации (актуализация значения локальной специфики) интерес к изучению формирования (конструирования) и институционализации или стихийного процесса социокультурного взаимодействия) данной системы коллективных представлений и психологических практик отмечен и в сфере социальных и гуманитарных наук. Особое значение приобретает анализ систем коммуникации, историко-культурного кода (культурной памяти), символической репрезентации территории, ментальных образов жизненного пространства¹. Этот методологический поворот многократно усилил значение исторических аспектов при разработке предметной области исследования.

В числе основных направлений исследований заявленной проблематики следует назвать новую локальную историю, историю, социологию и культурологию повседневности, историю памяти.

Новая локальная история (New Local History) определяет локальные сообщества как субъекты исторического процесса. Базовыми конструктами новой локальной истории признаются как социальная роль индивидуума, стереотипы поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства (новое толкование концепта «культура» как категории социальной жизни), так и история изменения форм, структур и функций самого локального пространства (С. И. Маловичко, М. П. Мохначева, М. Ф. Румянцев и др.)².

Во взаимодействии этих элементов и рождаются уникальные связи локальной общности (социальной системы) и пространства, подверженные изменениям и,

одновременно, выступающие в роли факторов социальной динамики. Данное направление появилось в результате освоения российской исторической мыслью мирового научного опыта на рубеже XX — XXI вв. (было воспринято из британской историографии; творчество Ф. Адамса, А. Кросби и др.; деятельность Британской ассоциации локальной истории) и сегодня пополнилось новыми междисциплинарными подходами и исследовательским инструментарием. Процесс институционализации нового направления в нашей стране начался в 2002 г., когда силами ставропольских (Ставропольский государственный университет) и московских (РГГУ, МСХА им. К. А. Тимирязева) исследователей был создан одноименный межвузовский научно-образовательный центр. В последующие годы состоялся ряд научных интернет-конференций, посвященных разработке теоретических основ новой локальной истории³.

Микроистория, в рамках которой исследовательский интерес фокусируется на организации жизненного пространства рядовых участников исторического процесса, оформила собой и новый этап в развитии истории повседневности. Методологический «поворот» к микроистории в 1970-е гг. связывают в немецкой историографии с именами Х. Медик и А. Людтке, во французской — с исследованиями Э. Ле Руа Ладюри и Ж. Равеля, в итальянской — с творчеством К. Гинзбурга и Д. Леви⁴.

Для изучения многоуровневого процесса формирования региональной идентичности будут одинаково востребованы и социальное, и культурное направления, представленные в общем дискурсе микроисторических исследований. Так, в работе одного из самых ярких представителей микроистории в ее историко-культурном прочтении, К. Гинзбурга, биографическое исследование рядового обывателя разворачивается в реконструкцию культурной саморепрезентации человека во времени, а вместе с этим в историю целой эпохи, отраженной в фокусе жизни одного из множества незаметных ее творцов⁵.

В современной российской историографии культура повседневности в ее территориальной локализации изучается через символику, ценностные ориентации, коммуникации и информационные поля⁶. Важнейшими чертами локальной культуры признаются господство архетипических — этно-архаических идеологий и способов жизнедеятельности в структуре повседневности, консерватизм и самодостаточная инертность культурных форм⁷.

В 1980-е гг. отмечен существенный рост научного интереса к изучению социальной памяти («мемориальный бум»), а начиная с 1990-х гг. история памяти уже позиционируется как новое научное направление. Одновременно начинает разрабатываться подход, получивший название «теория политики памяти». Произвольное конструирование новых традиций и ритуалов, тождественных идеологии, в этом случае объясняется необходимостью легитимизации политического господства⁸. В современной литературе идея о тотальности политического господства над коллективной памятью уже не находит поддержки, на первый план выдвигается тезис о многоакторности процесса формирования даже с учетом субъектов политического порядка.

В России изучение названной проблематики и включение ученых в дискуссии о памяти как о социально-культурном феномене активизировалось с конца XX в. (А. Г. Васильев, О. Б. Леонтьева, Л. П. Репина, М. Ф. Румянцева, И. М. Савельева и др.)⁹. Показательно, что мемориальный поворот в общественном сознании вызвал

к жизни феномен исторической политики как одну из характеристик новой исторической культуры, непосредственно связанной с формированием идентичности¹⁰.

Предметом истории памяти называется не событие как таковое, а образ опыта, пережитого совместно, что фиксируется посредством соотнесения с существующими в культурной памяти символами, стереотипами, мифами. В результате формируются «интерпретационные модели» (способные меняться в зависимости от конкретной ситуации), проектирующие социальное поведение. Определенная стабильность, неизменность во времени таких «мемориальных клише» позволяет рассматривать их в качестве факторов, способствующих консолидации общества, но при определенных условиях вызывающих и дезинтеграционные процессы. В этом контексте значение культурной / исторической памяти нельзя переоценить, так как кризис коллективных форм может спровоцировать ситуацию множественности и неопределенности самосознания социума, состояние отсутствия общезначимого прошлого, что соответствует самораспаду и гибели государственности¹¹. Это определяет особый статус исторических мифов, социально структурированных и воспринимаемых как достоверные воспоминаний о прошлом, играющих ведущую роль в самоидентификации и мотивации поведения индивида, в формировании коллективной идентичности¹².

Важнейшими результатами развития *memory studies* признаются: наличие устойчивой взаимосвязи между культурной (социальной) памятью и идентичностью; описание механизмов мемориализации и забвения; существование пределов и ограничений в процессе реализации политики памяти¹³.

Вместе с тем следует отметить, что научная реабилитация роли факторов нематериального порядка в отечественном гуманитарном знании не привела к созданию целостных концепций изучения национальной ментальности, что позиционируется в качестве одной из основных гносеологических проблем современности.

Сегодня внимание исследователей сосредоточено на анализе противоречивого опыта XX в. — «века катастроф», на проблематике дискурсов, практик и траекторий развития исторической памяти в глобальную эпоху. Так, исследования И. Е. Козновой посвящены изучению характерных черт и содержания социокультурного, мировоззренческого перелома, охватившего советскую деревню и отразившего именно разрыв исторической преемственности¹⁴. Безусловная связь между памятью и идентичностью постепенно превращается в аксиому, не требующую доказательств, но не всегда согласующуюся с происками истины о прошлом. Обратной стороной медали выступает угроза утраты идентичности, что равнозначно распаду общества, поэтому «все общества подозрительны к поискам исторической истины и уделяют много внимания формированию коллективной памяти»¹⁵. «Материализация» связей в системе элементов: память — идентичность — этика осуществляется посредством нарратива (повествования, рассказа). Определяются современные тенденции и пределы трансформации памяти: в эпоху глобализации память-идентичность становится тождественной истории-истине¹⁶. «Переживание» ситуации кризиса и распада советской государственности предопределило поиски нового нарратива идентичности в русле методологии глокализма и нового регионализма, в том числе на пути преодоления состояния «разделенной памяти», спровоцированного формированием сильных травмирующих воспоминаний далекого и близкого прошлого¹⁷.

Начало XXI в. характеризуется стремительным ростом значения политики памяти, что объясняется строительством новой национальной идентичности в странах Восточной Европы, главным основанием которой становится демонизация исторической роли России. В последние десятилетия произошла радикальная трансформация европейской политики памяти в целом: восторжествовала «восточная» модель, сфокусированная на собственной мартирологии и мотиве экзистенциальной угрозы, одержав верх над «западной», в которой главную роль играла тема собственной вины и ответственности¹⁸.

По мнению Л. П. Репиной, результатом изучения истории памяти как «особой формы трансляции и актуализации культурных смыслов» стало формирование оригинальной концепции «истории памяти», отличной от «истории фактов» и «истории проблемы». На рубеже XX — XXI вв. в современном гуманитарном знании происходит активное развертывание мемориальной парадигмы. Вместе с тем в историографии памяти «пока еще не удалось раскрыть диалектику формирования и деконструкции образов прошлого в индивидуальной и культурной памяти»¹⁹.

Таким образом, современное состояние исследований в сфере изучения культурной/исторической памяти как основы формирования политической и территориальной идентичностей характеризуется начальной стадией становления методологии, разработки методик, проблематизации предмета исследования. Переход на следующий уровень познания, получение новых конкретно-научных результатов обусловлены необходимостью междисциплинарного синтеза и обращения к анализу исторических источников массового происхождения, что позволит реконструировать базовые концепты национальной ментальности, ответственные за формирование идентичности, и, что самое важное, проанализировать условия, факторы трансформации социальных представлений под воздействием смены технологических укладов, механизмы воздействия, специфику многоакторного взаимодействия, содержание новых элементов, тенденции эволюции смысложизненных ценностей.

В этом направлении реализован проект самарских исследователей «„Обретение родины“: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.)», в рамках которого разработана оригинальная концепция «внутренней окраины»²⁰. Специфика социокультурного развития региона рассматривается авторами как модель адаптации и «переплавки» «людей пограничья» по принципам имперского ядра²¹. Так, одним из направлений государственной колонизационной политики рассматривается правительственное решение по массовому выводу отдельных групп населения за пределы региона в 1840-х гг. и заселение «коронными крестьянами». В данном случае речь идет о выселении казаков и калмыков на восток, на новую пограничную линию²². В этих условиях очевиден тренд на высокую миграционную активность населения. И в первой половине XIX в. Самара сохраняла за собой статус «плавильного котла», вмещающая помимо 15 тыс. чел. регулярного населения в зимний период еще около 10 тыс., а в весенне-летний — до 100 тыс. чел.²³ Следует отметить высокий уровень зрелости антропологического поворота в исследованиях Самарской научной школы. Основными акторами заселения, освоения и управления территорией выступают люди во всем многообразии политических, хозяйственных, повседневных практик.

Историко-антропологическое измерение истории стало теоретической новацией третьего издания «Истории Мордовии», ряда других работ мордовских исследо-

вателей. В частности, в основу концепции одного из лучших представителей региональной историографии, В. А. Юрчёнкова была положена идея неповторимости вклада каждого народа в общий цивилизационный паттерн. С другой стороны, разрабатывались аспекты преодоления локально-национальной дихотомии. Итогом многолетнего осмысления специфики формирования региональной идентичности стала категория восприятия, определяемая как дискурс кросс-культурного и кросс-этнического взаимодействия²⁴.

Творческое развитие микроистории прослеживается в исследованиях индустриального наследия, выполненных представителями НОЦ экономической истории Центральной России и Среднего Поволжья МГУ им. Н. П. Огарёва в русле изучения социокультурной и техногенной среды предпринимателей, моделирования хозяйственной повседневности (Н. М. Арсентьев, В. М. Арсентьев, А. М. Дубодел и др.)²⁵.

В пензенской историографии до настоящего времени проблемы изучения территориальной идентичности и идентичности региона находились на периферии научного интереса. При этом нельзя не отметить, что отдельные аспекты проблематики так или иначе затрагивались в работах краеведческого характера, формируя определенный контекст историографической традиции. В ходе детального анализа краеведческой литературы удалось выделить четыре этапа в процессе выработки предмета исследования и методологии его изучения: 1900-е — начало 1920-х гг.; 1920-е — начало 1950-х гг.; вторая половина 1950-х — 1980-е гг.; конец 1980-х — начало 2000-х гг.

Значительным событием в культурной жизни региона стало возобновление в 1989 г. проведения конференций по историческому краеведению на всесоюзном, а затем всероссийском уровне.

Предпринимаются попытки подготовки обобщающего научного издания, объединившего результаты изысканий региональных исследователей и выполненного в историко-антропологическом ключе. В 2014 г. увидела свет коллективная монография «Пензенский край в истории и культуре России». Следует отметить значительный шаг вперед по разработке оригинальной концепции локальной истории. Вместе с тем очерковый характер и некомплексность анализа снижают научную ценность данного издания, не нашли отражения и вопросы формирования региональной идентичности²⁶.

Серьезным заданием для будущих исследований стала реализация масштабных проектов по введению в научный оборот новых источников. В частности, в рамках проекта «Пензенский край в документах и материалах», поддержанного РГНФ, авторским коллективом в составе В. В. Кондрашина, Т. А. Евневич, П. В. Кашаева, С. В. Белоусова, С. Л. Шишлова, В. В. Первушкина в 2005 г. был подготовлен первый том из запланированной серии документальных сборников по истории Пензенской области. Продолжением этой работы стала публикация двухтомного сборника документов, отразившего все многообразие «лик» военной действительности²⁷.

Наиболее актуальным и научно востребованным компонентом концепции изучения истории Пензенского края выступает проблема формирования и трансформации региональной идентичности. Специфика исследовательской парадигмы определяется совокупностью принципов объективности, историзма, системности и антропоцентризма, принципов социокультурного подхода (принцип человека активного, принцип взаимопроникновения культуры и социальности и др.), диалектической и дуалистической методологией.

Особо следует охарактеризовать методы работы с терминологией выбранной проблематики и корпусом источников. Неоднозначность и многомерность дефиниции термина региональная идентичность ориентирует исследователей на изучение экономического, социального, культурного и психологического аспектов, находящихся в тесной связи и непрерывном взаимодействии. При ином подходе к структурированию понятия выделяются объективная (производство региональных границ, символики и институтов) и субъективная (индивидуальные когнитивные механизмы в процессе межличностного взаимодействия) составляющие²⁸.

Ключевым идентификатором понятия выступает система представлений, смыслов и ценностей, символов и мифов локального сообщества, определяющих территориальную принадлежность индивида – «коллективно создаваемый дискурс, лежащий на пересечении географических координат и воображаемой локальности». В этом контексте структура региональной идентичности может быть представлена через концепт «освоение», включающий в себя когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты²⁹.

Смысловая нагрузка понятия «региональная идентичность» приобретает более четкие границы в сравнении с термином «идентичность региона», определяемым как результат планомерной политики институционализации и символизации территориального сообщества. Одним из авторитетов в деле разработки концепции идентичности региона признано считается финский исследователь А. Пааси³⁰. Автор предложил модель институционализации региона, включающую четыре стадии: территориальная организация; символическое оформление; создание институтов, ответственных за формирование самосознания; наконец, утверждение в массовом сознании соответствующего комплекса представлений³¹.

Специфику проблемы определяет применение специального метода системно-компаративистского анализа научных данных о факторах и исторических аспектах формирования и взаимодействия этнической, политической и региональной идентичностей. Данный подход предполагает учет максимально возможного разнообразия факторов, запускающих процессы формирования и трансформации идентичности, сравнительный анализ содержания символических сюжетов и ценностных ориентаций политической картины мира локального сообщества; механизмов и форм организации социальной памяти и трансформации идентичности, в том числе политики идентичности на различных этапах истории Пензенского края. Уникальный ментальный код региона формируется под воздействием географических и климатических характеристик территории, исторических особенностей экономической и политической интеграции, этнического развития, социокультурного взаимодействия, систем коммуникации.

В этом контексте смена паттернов кросс-культурного развития региона получает первоначальный импульс от осознания потребности в этнополитическом обособлении, возведении пределов своей ойкумены, что имеет в своей основе усиление интенсивности экономических и военно-политических контактов мордвы с тюркоязычными народами и славянами в VI — XI вв. Мордовским оязорам (инязорам) удавалось достаточно эффективно противостоять и Хазарскому каганату, и русским князьям вплоть до начала XIII в., о чем свидетельствует аутентичное обозначение территориального суверенитета — «Земля Мордовская»³². Фактором определяющего значения в процессе формирования племенного суперсоюза —

предтече государства в современной региональной историографии называется распад Древнерусского государства³³. Характер межэтнического и политического взаимодействия меняется в результате монгольской экспансии и появления новых центров административного притяжения: Мохши (Наручади) и Темникова. Обременительная ясачная повинность, принудительные мобилизации и переселения мордовского населения не способствовали интеграции, и стремление к консолидации этноса нередко обретало форму массовых восстаний.

Другим каналом кросс-культурного взаимодействия выступал переход мордовской аристократии на ханскую службу. Сформировавшиеся за несколько веков стратегии подчинения и сопротивления травмированному воздействию способствовали естественному переходу мордвы на сторону московских князей в ходе борьбы Москвы с Золотой Ордой и Казанским ханством в XV — XVI вв. и окончательному вхождению мордовских земель в состав Русского государства³⁴. В последующие столетия колонизационная политика Московского царства, а затем Российской империи уравнивала великорусское население и мордву в статусе субъектов активных миграционных процессов. Окончательно этот процесс завершился в 1719 г. после перевода мордовских земледельцев в разряд государственных крестьян и обложения их подушной податью. Тем самым, как отмечает В. А. Юрчёнков, уже на начальном этапе «поглощения», инкорпорации региона мордва выступала не столько как объект, сколько как субъект имперской политики³⁵. На специфику формирования этноса указывает и дисперсность расселения, ключевым фактором которой является присутствие на «фронтире» в момент рождения империи, совпадение основных характеристик цивилизационного развития у мордвы и великороссов. Неслучайно к концу XIX в. наличие мордовского населения фиксировалось повсеместно во всех более или менее экономически значимых районах Российской империи³⁶.

Заметим, что сами по себе колонизационные процессы формируют идентичность национальную, имперскую, ментальная саморепрезентация региона строится на осознании концепта «тяготения» по отношению к военно-административному, а в последующем — административному центру. Формирование ментального значения коренных ойконимов региона — Пензы и Саранска определила политика строительства и обслуживания оборонительных сооружений на юго-восточной окраине Русского государства (в хронологической последовательности: Керенская, Верхне-Ломовская, Нижне-Ломовская, Инсаро-Потижская, Саранско-Атемарская и Пензенская засечные черты³⁷). В свою очередь, появление устойчивого образа региона связано уже с «переходом за вал», с дальнейшим освоением территории за пределами черты. В ходе стихийной, военно-государственной, помещичьей колонизации конца XVII — XVIII вв. вновь пришедое население определялось по месту прежней локации: из Пензенского, Саранского уездов и т. д. Этническая специфика переселения в документальных свидетельствах не прослеживается: русские, мордовские, чувашские земледельцы осваивали формально не заселенные территории за валом в общем потоке, образуя как этнически однородные, так и смешанные поселения³⁸.

В начале XIX в. фактором регламентирующего значения становятся реализация реформы административно-территориального деления и формирование пространства территории и пространства населения Пензенской губернии. Начальный этап становления идентичности региона осложнялся нестабильностью планов высшего светского и духовного руководства Российской империи относительно территориальной интеграции. Так, до учреждения архиерейской кафедры в Пензе наблюдается весьма активное перечисление населенных пунктов края из одной

епархии в другую. Как следует из описания Г. И. Иллюстрова, после губернской реформы екатерининской эпохи г. Инсар по епархиальному управлению был переведен из Казанской епархии в Тамбовскую, а затем, с 1801 по 1804 г., вновь — в Казанскую, хотя датой окончательного учреждения Пензенской губернии считается 9 сентября 1801 г.³⁹

Поворотным событием, обозначившим рождение ментального образа территориального единства, следует рассматривать Отечественную войну 1812 г., когда в течение нескольких месяцев границы информационного поля из узколокальных превратились в глобальные. Общими стали переживания панических настроений, и даже перемещение казачьих войск могло спровоцировать «страшную тревогу» («французы уже в Ижморе» [село Керенского уезда]). Бородинское сражение и оставление Москвы вызвали массовый отклик во всех слоях общества, породили рост проявлений патриотического сознания и осознание чувства общности с монархом и государством, что в повседневной жизни переносилось на локальный и региональный уровень репрезентации империи (в повседневной жизни пензенские дворяне отказывались от французского языка и платья, а крестьяне выражали готовность телами своими «задавить супостата»)⁴⁰. Это нашло отражение и в категориях саморепрезентации, эволюции смысла и практики применения этнохронимов *пензяк* и *пензенец*. Именно после Отечественной войны 1812 г. получает широкое распространение практика наречения местных жителей этнохронимом *пензяк*, что предполагало перенос значения с определения служебной принадлежности на место рождения⁴¹.

Модернизационные процессы вовлекли провинциальное общество в водоворот новых вызовов формирования региональной идентичности. Вплоть до конца XIX в. Пенза продолжала играть роль имперского форпоста, принимая военнопленных, участников мятежей и ссыльных оппозиционеров. Одновременно ключевое значение приобрели факторы экономического порядка — развитие торгового обмена и транспортной инфраструктуры, а также активизация миграционной активности населения. При столкновении с инаковостью внешнего мира и взаимодействием с множественностью проявлений новой социокультурной среды рождается осознание потребности в самоопределении, в осмыслении отличий и характерных черт регионального сообщества.

Особым периодом в процессе формирования региональной идентичности выступает первое послереволюционное десятилетие. В начале 1920-х гг. задачи изучения локальной истории были установлены Пензенским обществом любителей естествознания и краеведения (ПОЛЕКр) как комплексное изучение населения Пензенской губернии, охрана памятников природы, быта, старины и искусства. В центре внимания оказался человек взаимодействующий, формирующий определенную социокультурную среду. Темпорально-пространственные характеристики территориальной идентичности обнаруживали тяготение к Пензе как центробразующему феномену культуры провинции. В 1926 г. на базе естественно-исторического музея состоялась первая краеведческая конференция, подытожившая усилия «культурных гнезд» в деле осознания всей совокупности социальных связей, формирующих локальное пространство. Деятельность организаций и объединений краеведческой направленности (историко-краеведческие общества, Пензенский научно-исследовательский институт краеведения), прошедших через горнило реор-

ганизаций рубежа 1920 — 1930-х гг., полностью прекратилась в эпоху сталинского террора. Основным противоречием эпохи стал конфликт горизонтальной и вертикальной организаций культурного ландшафта. Кроме того, утрата Пензой статуса административного центра в 1928 г. привела к периоду длительной социокультурной деградации региона, завершившемуся в 1939 г. с созданием Пензенской области.

Рождение новых ментальных скреп идентичности пришлось на эпоху суровых испытаний, когда в период Великой Отечественной войны более 300 тыс. пензенцев стали защитниками своей страны, а на территории региона были размещены 87 предприятий, организаций, учреждений и до 150 тыс. эвакуированных граждан СССР⁴². Общность переживаний смертельной угрозы и экстремальность повседневных практик возродили лучшие исторические паттерны патриотического сознания, укрепили единство и обеспечили эффективность социально-политического взаимодействия.

Локальным «откликом» на процессы советской модернизации становится интенсивное индустриальное и технологическое развитие территории в период 1950 — 1970-х гг., обусловившее формирование соответствующей системы ценностных ориентаций и предпочтений. Это время можно с уверенностью обозначить как период наиболее естественного и эффективного развития позитивной региональной идентичности.

Ситуацию конца 1980-х — начала 2000-х гг. можно охарактеризовать в рамках состояния социокультурного кризиса, вызванного проведением рыночных реформ, разрушением высокотехнологичного производства, системы учреждений НИОКР и блокировкой развития человеческого потенциала. Положительные изменения в идентичности региона (под воздействием факторов повышения инвестиционной привлекательности, замедления негативных демографических процессов, развития событийного туризма, роста качества жизни) фиксируются лишь с начала 2010-х гг.

Очевидным трендом современного развития российских регионов становится глокализация — укрепление значения локальной специфики, ее актуализация. Причастность к судьбе своей малой родины и осознанная эмпатия по отношению к землякам способствуют росту доверия и социальной интеграции, формированию традиций гражданского общества. В свою очередь ключевым фактором становления и развития региональной идентичности является историческая преемственность, историко-культурная среда, погружение в заданные рамки которой и создает локальный мир.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Charton Vachet F., Lombart C.** New conceptual and operational approach to the link between individual band region: regional belonging // *Recherché et Applications en Marketing*. 2015. Vol. 30 (1). P. 50 — 75.

² См.: **Булыгина Т. А., Маловичко С. И.** Новая локальная история: новые исследовательские практики // *Новая локальная история*. Ставрополь, 2006. С. 7 — 18 ; **Румянцева М. Ф.** Новая локальная история и современное гуманитарное знание // *Новая локальная история*. Ставрополь ; М., 2006. Вып. 3. С. 271 — 275.

³ См.: *Новая локальная история*. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография : материалы первой Всерос. науч. Интернет-конф. (Ставрополь, 23 мая 2003 г.) Ставрополь, 2003. 262 с.

⁴ См.: **Людтке А.** Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история : ежегод., 1998/1999. М., 1999. С. 77 — 100 ; **Леви Дж.** К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 26 — 42 ; **Гинзбург К.** Микроистория: 2 — 3 вещи, которые я о ней знаю // Там же. С. 207 — 236 и др.

⁵ См.: **Гинзбург К.** Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. 272 с.

⁶ См.: **Касаткина С. С.** Когнитивный образ повседневности российских городов // Грамота : Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24) : в 2 ч. Ч. 2. С. 74.

⁷ См.: **Южалина Н. С.** Провинциальное: типологические характеристики в социокультурном контексте // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 274 — 276.

⁸ См.: *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawn, T. Ranger. New-York, 1983. 300 p.

⁹ См.: **Леонтьева О. Б.** «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем : альманах интеллект. истории. М., 2015. Вып. 50. С. 59 — 96.

¹⁰ См.: **Тишков В. А.** Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 4 — 13.

¹¹ См.: **Репина Л. П.** Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М. ; СПб., 2014. С. 8 — 16.

¹² См.: **Женин И. А.** Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги / Steps. 2021. Т. 7, № 1. С. 9 — 28.

¹³ См.: **Васильев А.** Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. по материалам конгресса. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак. М., 2009. С. 56 — 68.

¹⁴ См.: **Кознова И. Е.** Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М., 2016. 463 с.

¹⁵ **Эрлих С. Е.** Три нарратива коллективной памяти: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 9.

¹⁶ См.: **Эрлих С. Е.** Три нарратива коллективной памяти. С. 9 — 16.

¹⁷ См.: **Бухараев В. М., Мягков Г. П., Юдин П. Е.** Формирование современного нарратива идентичности в национальном регионе: методология изучения // Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении. Материалы научного семинара. Ответственные редакторы И. А. Гатаулина, Г. П. Мягков, Д. В. Шмелев. Казань, 2016. С. 32.

¹⁸ См.: **Миллер А.** Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липмана. М., 2012. С. 7 — 32 ; **Миллер А., Малинова О., Ефременко Д.** Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128 — 141.

¹⁹ **Репина Л. П.** Память и наследие в «Крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6 — 16.

²⁰ См.: «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.) : очерки истории : моногр. / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара, 2013. Ч. 1. 358 с. ; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / [ред. кол.: П. С. Кабытов (отв. ред.) и др. ; науч. ред. Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов]. Т. 1: Самарское Поволжье в XVI — первой половине XIX вв. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2020. 480 с. ; Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX — начале XX века / [науч. ред. П. С. Кабытов, О. Б. Леонтьева]. Самара, 2020. 480 с.

²¹ История Самарского Поволжья... Т. 1. С. 17.

²² Там же. С. 383.

²³ Там же. С. 399.

²⁴ См.: **Юрченков В. А.** Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991. 367 с. ; **Его же.** Взгляд со стороны. Саранск, 1995. 284 с. ; **Его же.** Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. Т. 1. 457 с. ; **Его же.** Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг. Саранск, 2010. 440 с. ; **Его же.** Начертание мордовской истории. Саранск, 2012. 612 с.

²⁵ См.: **Арсентьев Н. М., Руськин А. Н.** Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) // Интеграция образования. 2010. № 4. С. 40 — 44.

²⁶ См.: Пензенский край в истории и культуре России. Пенза, 2014. 526 с.

²⁷ См.: Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 — март 1918 : в 2 кн. Кн. 1: 1914 — 1916 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. 542 с. ; Кн. 2: 1917 — 1918. 594 с.

²⁸ См.: **Корепанов Г. С.** Региональная идентичность как объект социологического исследования // Социология в современном мире: Наука, образование, творчество. 2009. № 1. С. 16 — 23.

²⁹ См.: **Головнева Е. В.** Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 185.

³⁰ См.: **Paasi A.** Place and region: regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27, № 4. P. 475 — 485.

³¹ См.: **Paasi A.** The Resurgence of the “Region” and “Regional Identity”: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // Review of International Studies. 2009. Vol. 35, issue S1. P. 121 — 146.

³² См.: **Мокшин Н. Ф.** Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. Саранск, 2012. С. 51.

³³ См.: **Юрченков В. А.** Пургасова волость: проблемы политогенеза у мордвы в историографии // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 7.

³⁴ См.: **Юрчѐнков В. А.** Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII — начало XX века // Отечественная история. 2004. № 5. С. 27.

³⁵ Там же. С. 28.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. Т. 1. С. 437.

³⁸ См.: **Смирнов Ю. Н.** Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII — начала XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 29.

³⁹ См.: **Иллюстров Г. И.** Историко-статистическое описание прихода села Ямская Слобода // Пастыри о пастве : ист.-стат. описание рус. сел Пенз. губернии. Саранск, 2018. С. 31 — 32.

⁴⁰ См.: **Белоусов С. В.** «Куда пятишься, Барклай проклятый!»: официальная информация и слухи в российской провинции в 1812 г. // Родина. 2012. № 6. С. 86 — 87.

⁴¹ См.: Пензенская энциклопедия. Пенза, 2019. Т. 2. С. 207.

⁴² Там же. С. 697.

Поступила 04.03.2022 г.